

У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ

Зарыдала над Вологдой осень.
Время тёплых ночей истекло.
Ты стоишь в ожидающей позе
В своём стареньком сером пальто.

Смотришь грустно на лица прохожих
И на жёлтые листья берёз.
Мне сегодня невесело тоже.
Вспоминается тихий обоз,

Что проехал почти у погоста...
Свет ночной одинокой звезды
Лился в горницу нежно и просто...
А сейчас у подножья цветы,

Словно символ того, что когда-то
Не смогли воспринять земляки.
Хорошо быть поэтом, ребята!
Только бронзовым быть не с руки.

Не расправить усталые плечи,
Не тряхнуть головой на ветру,
Не шагнуть приходящим навстречу,
Не упасть в молодую траву.

Зябко нынче. Но Музой согретый,
Я смотрю на рубцовский закат...
На Руси любят в бронзе поэтов,
А живущих, увы, не хранят!

НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Не уснуть. Барашки и овечки
По чужим блуждают закоулкам.
Прогуляюсь-ка до Чёрной речки,
Белой речки нету в Петербурге.

А была бы — может, и иначе
Всё сложилось в жизни у поэта.
Здесь, у старой комендантской дачи...
Впрочем, что мечтать теперь об этом.

Тихий сквер, и обелиск, и профиль,
И цветы на мёрзнущем граните.
Я стою с волнением напротив:
— Прочитать стихи Вам? Не хотите?!

От толпы читающей устали?!
Понимаю. Что ж, тогда присяду,
Помолчу. И с голубиной стаей
Посмотрю на спящие громады.

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Сосед твердит, что жить в России плохо.
А воробей щебечет: «Ничего!».
Кончается суровая эпоха
Морозного и вьюжного всего.

Да, не сезон, а целая эпоха!
Ведь столько птахе вытерпеть пришлось...
Сосед канючит: «Ну послушай, Лёха!
Идёт держава наша вкривь и вкось!».

Сижу, молчу и попусту не спорю.
Гляжу вокруг: всё, вроде, как всегда.

Вот рыжий кот пригрелся на заборе.
Вот ребятня играет у пруда.

И бабка Нюра в дедовой фуфайке
Встречать теплынь выходит на крыльцо...
Не стану слушать про плохое байки,
А повернусь к хорошему лицом.

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

Где кукушка вчера куковала,
Отмеряя кому-то годки,
Нынче ты не спеша собирала
Неприметные с виду цветки.

В красоте своей тихой, неброской
Зацвели на задворках села
Те цветки — безутешные слёзки,
Что кукушка в ночи пролила.

Не пугайся, не к худу, не к худу
Ты цветы на поляне рвала.
Хоть людские шумят пересуды,
Мало в мире наветного зла.

Уходящей грозы отголоски
Громяхают вдали — ну и пусть!
На окошке — кукушкины слёзки,
За окошком — кукушкина грусть.

МАТЕРИ

Хорошо переждать ненастье
В светлом доме да у огня.
В этом доме — ржаное счастье
Ты готовила для меня.

Приготовила, песню спела,
Чтоб всё ладилось лет до ста.
— Ты сама-то, родная, ела?
— Я сыта, дорогой, сыта.

Обходили меня напасти,
Ведь сума не была пуста.
Две ковриги ржаного счастья
Я сумел для тебя достать.

Хоть краюху себе взяла ты?
Ни к чему задавать вопрос.
С аппетитом жуют внучата
Те ковриги, что я принёс.

Ты же песню свою запела,
Чтоб всё ладилось лет до ста.
— Что ж ты, милая, не поела?
— Я сыта, дорогой, сыта.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Казалось бы — макушка лета,
Но на рассвете сентябрём
Повеяло. По всем приметам,
Мы к увяданию грядём.

Июль — предтеча, тайновидец,
По воле осени сумел
Узреть, что платьев летний ситец
В широтах наших не у дел.

Нам подавай меха собольи,
В тяжёлых жемчугах парчу.
Гулять на северном приволье
В таких одеждах по плечу.

Неспешно по речной прохладе
Идти на расписной ладье
И в златолиственном посаде
Познать не жизнь, а житие —

Вот наша цель! Я вижу это!
Не оттого ли в сентябре
Спешат сердца по зову света
Горе...

МОНОЛОГ СТАРОГО ДОМА

Впервые я не видел снегирей.
Высматривал внимательно, как будто
Без этих птиц зимы не будет путной,
Не будет благолепия снежных дней.

Но было всё: мороз и снегопад,
Позёмку ветер гнал куда попало.
А красногрудых всё же не хватало.
Не строилась душа на нужный лад.

И в пасмурную стылость февраля,
В глухую непроглядную унылость
Рябина одинокая искрилась,
Красой своей не радуя меня.

Впервые я не видел снегирей.
Когда-то всё случается впервые.
Наверно, эти птицы озорные
Умчались вслед за юностью моей.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Снег валит. Раздолье детворе.
Снежный бой на каждом перекрёстке.
Белое в новинку в декабре.
Отскрипела старая повозка.

Ей теперь заслуженный покой
До весенних беспокойных трелей.
Мир сейчас доверчивый такой,
Как новорождённый в колыбели.

Молодёжь, как стайка воробьёв,
Пролетит, других не замечая.
Принесу домой охапку дров
Из заиндевелого сарая.

Всё вокруг сверкает и спешит.
Лишь сосед с изогнутой клюкою
У колодца молча постоит
И пойдёт, качая головою.

— Что не весел, дедушка Фома?
Оглянись-ка, красота какая!
— Нонче будет лютая зима!
Слышишь, как в колодце завывает!

* * *

Уж не ты ли, молодость моя,
Бусы на болоте обронила
И под крик печальный журавля
Взор свой на другого обратила?

Уж не ты ли, в злате и шелках,
Старой жизни помахав рукою,
Открываешь новою строкою
Образ мой уже в иных стихах?

Тот, другой, теперь тебе милей.
Ты его мечтами овладела.
Мне ж остались крики журавлей
И прощальный след любви твоей —
Терпкий привкус клюквы переспелой.

Что ж, лети! Удерживать тебя
Я не стану... Кто ж тому виною,
Что очарованье сентября
Рядом с увядающей листвою?

МАЙСКИЙ СНЕГ

Падал снег. А мне казалось,
Что с черёмух белый цвет
Облетал. Трава измялась,
Как обёртки от конфет.

Может, вовсе не измялась,
А от путаницы дней
Призадумалась и малость
Пригорюнилась. Досталось
По весне с лихвою ей.

Падал снег. А мне казалось,
Что с неведомых земель
Неизученный досель
Лебединый пух летел...
Ах, не пух... какая жалость!
Падал снег. А мне казалось...

ЖИВАЯ ПОЭЗИЯ

Печально упало перо соколиное
На воды реки.
Падение стало невольной причиной
Рожденья строки.

По тихой воде небывальными ритмами
Скользили слова.
Наивная ива, прохладой увитая,
Качалась едва.

Вечерняя мгла торопливо развесила
Огни вдалеке.
А я всё смотрел, как живая поэзия
Плыла по реке.